

Казимир Валишевский

Вокруг трона

«Public Domain»

«Автор»

Валишевский К. Ф.

Вокруг трона / К. Ф. Валишевский — «Public Domain»,
«Автор»,

Историческое сочинение «Вокруг трона» польско-французского историка Казимира Валишевского (1849-1935) на сегодняшний день является одним из наиболее увлекательных рассказов о сподвижниках и фаворитах Екатерины Великой, их влиянии на жизнь императрицы и всю историю России. Текст произведения представлен в новой редакции и в современной орфографии.

© Валишевский К. Ф.

© Public Domain

© Автор

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Казимир Валишевский

Вокруг трона

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатели «Романа Императрицы» знают, что автор рассчитывал дополнить свой труд за счет работ, появляющихся в настоящее время. Он не полагает, что нуждается в оправдании. Какова бы ни была личность, которую мы пытаемся вызвать из прошлого, историческое значение *среды*, всегда важное, еще более расширяется для первых ролей человеческой драмы: сильных индивидуальностей, энергичных характеров. И оно все увеличивается, доходя как бы до раздвоения нравственной личности в окружающей среде, так что кажется, наконец, будто мы видим в последней как бы продолжение, прямую преемственность этого существа, одаренного чрезвычайной силой.

Екатерина, по преимуществу, принадлежит к этому исключительному разряду. Из всего, составившего ее величие, престиж и обаяние, она, можно сказать, ничего не получила по наследству. Она сама завоевала или создала все, окружавшее ее: дворцы, в которых жила, большей частью выстроены ею самой; людей, служивших ей, она не только выбирала, но – лучше того – сама наложила на них отпечаток, какой ей был нужен, вдохнула в них, следовательно, много своего. Среди ее сотрудников, даже тех, которые внесли в свою службу ей наибольшее количество личных достоинств, инициативы и даже оригинальности, многих она имела полное право назвать своими *воспитанниками*. И гениальный Потемкин принадлежал к числу их. Из среды ее поклонников некоторые дошли в преклонении перед ее личностью не только до более или менее добровольного самоотречения, но до действительной потери индивидуальности: пример – Grimm. И, таким образом, говоря о нем и других, мне всегда придется говорить о ней, и главным образом о ней. Не потому, что эти лица не были интересны сами по себе: в этой среде, которую я намереваюсь осветить, явится на границах Азии не только Россия, но вся современная Европа – Европа политическая, литературная и философская, в лице некоторых наиболее знаменитых ее представителей; и, показывая Екатерину среди тех, кто способствовал ее величию, я выставляю также соприкосновение двух миров.

Прежде чем приступить к своему труду, я пожелал посетить места, где протекла эта единственная в своем роде жизнь, некоторые стороны которой я намереваюсь воспроизвести. Я надеялся найти там какие-нибудь более определенные, более жизненные следы, чем те, которые может дать историку мертвая буква документа. Увы! Я нашел только полную пустоту, образовавшуюся – уже так скоро! – после всего исчезнувшего. В петербургских дворцах, даже в Эрмитаже – нет ничего или сохранилось очень мало: сгоревшее в царствовании Николая I великолепное здание Растрелли было перестроено с самого основания. В Царском почти ничего не осталось: исчезло все роскошное или изящное, так восхищавшее Сегюра; разрушена та интимная обстановка, среди которой под благосклонным взглядом божества, воспетого Вольтером, состязались в остроумии находчивый принц де Линь, изобретательный Потемкин и несколько грубовато-шутливый Нарышкин. Новое убранство, новые вещи изгладили одно, заняли место другого. Петр Великий в этом отношении оказался счастливее: его деревянный домик, в своей великой бедности и с так много говорящей исторической мебелировкой, стоит до сих пор неприкосновенным на хладных берегах, которые Петр сумел вызвать к жизни. Различные мелкие вещи, принадлежавшие внуку Екатерины, благоговейно сохраняются в Царском. Между внуком и бабкой разверзлась пропасть: тут сказалась злопамятность Павла, угрызения совести Александра I. Во дворце Павла помещается учебное заведение, а комната, где император спал в ночь 12 марта 1801 года, превращена в церковь.

В Москве – тоже ничего, а в окрестностях – в Царицыне – развалины на месте одной из любимых резиденций Екатерины!

Люди и события в России сменяются быстро: поздно вступив в историю, как бы спеша жить, этот народ даже будто нарочно помогает разрушительному делу времени. У этого величия и этой цивилизации, едва просуществовавших век, уже есть свои развалины.

Более цельным и узнаваемым образ обаятельной государыни явился передо мной в мемуарах нескольких почитателей старины, набожных хранителей преданий и традиций, которые, однако, тоже изглаживаются. История должна поспешить за ними со своей созидательной работой.

Мне не приходится просить внимания к моему труду: читатель уже почтил меня им. Для тех усилий, которые я еще вложу в свою работу, мне остается только надеяться и впредь на то снисхождение, благотворное действие которого я уже испытал и оценил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

Глава 1 Государственные люди ¹

I. Русские, малороссы и иностранцы. Первые роли и статисты. – Немцы. – II. Панин. – Министр переходного времени. – Борьба с фаворитами. – Личное вмешательство в политику Екатерины. – III. Князь Вяземский – Глебов. – Либерализм и ретроградное направление. – Чернышова. – IV. Безбородко. – Завтрак, имевший важные последствия. – Императорский фактотум. – Торжество хохла. – Влияние плохо натянутых чулок на карьере государственного человека. – V. Другой малоросс: граф Разумовский. – Уничтожение гетманства. – Присоединение Малороссии. – VI. Иностранцы-сотрудники. – Бестужев, Миних. – Сочинитель мадригалов. – VII. Остерман. – Кейзерлинг. – Штакельберг. – Сиверс. – Второй раздел Польши.

I

С 1788 по 1790 г., в течение войны со Швецией, так необдуманно начатой и так мужественно воевавшей, Екатерина Великая, или, как ее называл Вольтер, Екатерина Великий, пережила, как известно, немало тяжелых часов. Было время, что не получалось ровно никаких известий, и можно было опасаться, что флот Грейга постигла какая-нибудь ужасная катастрофа. Наконец, прибыл курьер от адмирала. Екатерина велела немедленно прочесть себе депеши. Нагнал ли он неприятеля? разбил ли его? Нет еще; но встреча была неминуема; обе эскадры находились друг от друга на расстоянии двенадцати морских миль. Екатерина вопросительно взглянула на окружающих: морская миля, сколько это? Окружающие молчали. Тут был и красавец Мамонов, знавший все – как часто говорила императрица – ничему не учившись. Он молчал, наравне с прочими. Решили послать в Адмиралтейство; но в это время находились в Царском, и пришлось ждать ответа до вечера. Прислали сказать, что морская миля равна семи верстам. Это было большим разочарованием для Екатерины; она сильно рассердилась на своего адмирала: ей бы хотелось, чтоб ее и шведские суда сошлись; а фантастический расчет Адмиралтейства еще увеличивал настоящее расстояние, указанное Грейгом. Вот как ей служили и какие сведения доставляли.

«Я воевала без адмиралов и заключила мир без министров», – говорила она после этого тяжелого времени. Вызванные смесью горечи и гордости, эти слова были совершенно справедливы и могут относиться даже к большей части ее царствования. Однако напрасно Екатерина обвиняла в этом судьбу: она сама относилась очень равнодушно к выбору людей, которые должны были помогать ее начинаниям; по ее мнению, что один человек, что другой – безразлично. Это характеристическая черта ее истории с той точки зрения, с которой мы приступаем

---

¹ «Русский Архив». Различные документы. 1876, I; Arneth. Maria Theresia und Joseph II; Бильбасов. История Екатерины; Blum. Ein russischer Staatsmann (Биография Сиверса); Correspondence politique, Архив французского Министерства иностранных дел; «Политическая переписка» в сборнике Императорского Русского Исторического Общества, тома: X, XIX, XXII, XXVI, XXVII, XXIX, XLVI, XLVII. «Корреспонденция» Миниха, изданная Бюшингом; Григорович. Биография Безбородко; «Записки» князя Долгорукова, Энгельгарта, Греча, Гарновского, Комаровского, лорда Мальмсбера, Палеро; Лазаревский. Малорусские исследования; Лебедев. Граф Панин; Материалы для биографии Безбородко, опубликованные в «Русском Архиве», 1875, II; Journal de Saint-Petersbourg; Чтения. 1863; Соловьев. История России. XXV; Терещенко. Биографии министров.

к ней теперь. Людей действительно выдающихся было мало среди окружавших ее; ее можно не винить в этом; но и из числа их ни одного нельзя измерить полной величиной, так как *она* царствовала и правила, и в этом нельзя не видеть прямого следствия взглядов и принципов чисто личных, применяемых ею к правлению; а также и особенности ее характера. Между качествами, которыми должен бы отличаться предпочитаемый сотрудник правительницы, она ценила особенно одно: гибкость. Но последняя редко уживается с действительно выдающимся умом. В Екатерине в полной мере была развита склонность к деспотизму, допустимому при ее положении *самодержицы*, но также к капризу и причудам – свойствам женщины. Это был самый существенный недостаток ее умственного склада. Но она отличалась вместе с тем способностью извлекать пользу как из своих недостатков, так и достоинств, не стремясь ни к чему более; и это также вело Екатерину к тому, что она мало ценила действительные достоинства сотрудников, которых привлекала. Ей скоро представился случай убедиться, что знание людей, угадывание их способностей и достоинств – не ее ума дело. Ее первый выбор среди высших сановников был несчастлив: он пал на Теплова – попросту плута. При склонности к крайностям, свойственной ее уму, этого было достаточно, чтоб императрица уверилась, что она будет находить Тепловых повсюду и что, следовательно, самое лучшее, что она может сделать – это надеяться в ведении своих дел исключительно на себя. Однако, так как эти дела касались и России, то она поняла, что они слишком сложны и обширны, чтоб ей было возможно выполнить безусловно программу личного управления, возникшую в ее уме тотчас после восшествия на престол – самую исключительную, обширную и вместе с тем удобопонятную, какую можно себе представить. Таким образом у нее появились первые министры, также как главнокомандующие ее армией. А в лице Потемкина у нее даже оказался как бы вице-император, с видом полусамодержца и повелителя. Но наружность, при более близком знакомстве с порядком вещей, мало соответствовала действительности. Эти министры и генералы, даже самый этот *alter ego*, столь внушительный с виду, были не только орудиями, которыми единственная рука управляла всегда с известной суровостью и незаметно, не давая воли, постоянно грозя сломить их не сегодня-завтра, без всякой возможности сопротивления – это были, по большей части, ее креатуры, в буквальном смысле слова; существа, созданные целиком той же искусной рукой и носящие во всех своих делах ее отпечаток. И, таким образом, история государственных людей и полководцев, прославивших царствование Екатерины, является в значительной степени ее собственной историей.

Но не один только подобный исторический интерес может возбудить в нас желание познакомиться с ними. Я уже несколько раз пытался доказать, что во многих отношениях настоящая Россия есть только прямое и непосредственное наследие великого царствования. И это особенно справедливо, или, по крайней мере, было справедливо до очень недавнего времени, по отношению к высшему правительственному персоналу. Имена и личности другие, типы же остались неизменными. Вот эти то типы я хочу попытаться осветить, и, пробегая по этой галерее портретов, мы познакомимся с миром, очень недалеким от нас.

Государственных и военных людей, которых мы видим там, можно, вообще, разделить на три категории: чисто русских, малороссов и поляков, смешавшихся без разбора, и иностранцев. Разница в происхождении сказывалась довольно резко в разнице способностей и характеров. Некоторые общие черты сближают две первые группы: натуры одновременно примитивные и чрезвычайно сложные, в которых дикость странным образом смешивается с крайней утонченностью – следствие особого наложения рас и различных влияний; западная культура, привитая на гнойнике азиатчины, которой молодая русская поросль пропиталась в течение векового рабства. Та же нерадивость и лень с внезапными вспышками бешеной, поразительной энергии; то же восточное презрение ко всякому порядку и всяким правилам; то же отсутствие заботы о времени; та же тонкость и проницательность ума в соединении с обманчивой наивностью; та же склонность к всевозможным видам удовольствия; тот же необузданный тем-

перамент; то же богатство воображения в изыскании наслаждений; наконец, та же гибкость, помогающая с постоянной и чрезвычайной легкостью покоряться всем переменам положения, состояния и занятий, браться за всякие должности, повиноваться беспрекословно всем капризам повелителя, доходить до крайних пределов послушания, слепого, наивного, невозмутимого и всегда между тем сохранять способность подняться, одним прыжком перескочив через все перенесенные неудачи, выбраться из тины, где завязала нога, и жестоко отомстить за все. С одной стороны – со стороны малорусской – более богатая натура и разнообразие ресурсов следствие еще большей амальгамы первоначальных элементов: наносные пласты казачества, куда приплывали и где задерживались обломки различных искателей приключений, принадлежавших ко всем европейским народам; греческие и польские отложения, медленно осевшие на русском основании; более устойчивости в уме, но менее постоянства в характере; более развития, но бо́льшая испорченность. Что же касается иностранцев, то, несмотря на всю их многочисленность, их значение во время этого царствования невелико. Между ними не выдвигается на первый план ни одной личности: ни влиятельного министра, ни фаворита. Они – за одним, двумя исключениями – не поднимаются выше статистов. Эпоха им не благоприятствовала. Чтобы успеть в чем-нибудь и выдвинуться вперед, им не достает именно главного качества, так ценимого Екатериной – той покорной и эластичной гибкости, которой обязаны были своим успехом Потемкин и его соперники. По большей части немцы – народ корыстолюбивый и покорный – они служат, как им платят, гнут спину, но без изыщества; они плоски и негибки, мрачны и печальны в душе, где взращивают изумительный цветник германской флоры: сентиментальность и дикую гордость, грубость и поэзию, мещанские добродетели и философский ум. – И все это замечательным образом уживается с карьерой добросовестного чиновника или придворного. Однако не станем слишком злословить на их счет, как к тому замечается за последнее время склонность в России. И совершенно напрасно, потому что они создали Россию такую, какова она есть. Да, они обработали своими трудолюбивыми руками эту упорядоченную, образованную, открытую для торговли и промышленности Россию, с которой начинает знакомиться теперь Европа. Они построили дороги, прорыли каналы и устроили школы. Как наемники, – я уже сказал это – как люди, которым платят и которых отпускают, когда их дело окончено. И справедливость требует, чтобы при просмотре их маршрута, обращалось внимание на их формуляр. К тому же, в великой славянской империи во время царствования Екатерины одну главную роль постоянно и великолепно исполняло лицо иностранного, именно немецкого происхождения – она сама. Забыть это – значило бы оказать большую несправедливость как ей, так и ее отечеству.

II

Великим государственным человеком первой половины царствования – насколько такой мог существовать – был Панин – чисто русский по происхождению, несмотря на некоторые старания доказать его генеалогическое происхождение от итальянских родичей. Во Флоренции, в удобную минуту, проявилась семья Паньини – так же, как раньше во Франции семья Биронов, – которая заявила кстати об общем происхождении. Первые шаги Никиты Панина на политическом поприще, его участие в придворных интригах, волновавших царствование Елизаветы, уже известны читателю.² Из министров Екатерины он был почти единственным, имевшим прошлое и принесшим, таким образом, в управление делами уже готовые взгляды или, по крайней мере, умственные наклонности, в которых императрица могла видеть не просто отражение собственных взглядов. И его работа на посту министра, поэтому, является переходной эпохой, подготовившей путь к постепенному сосредоточению власти в одном лице, кото-

² См. Роман императрицы.

рое императрица желала и сумела провести и для которого требовались другие сотрудники. Это было дело, приводившееся в исполнение искусно, терпеливо, безостановочно, начиная с самого первого часа. Даже во время государственного переворота 11 июля 1762 г. к фельдмаршалу Салтыкову был отправлен курьер с подписанным императрицей приказанием от Коллегии Иностранных Дел немедленно очистить прусскую территорию ввиду мира, который Петр III решил заключить, чему и Екатерина, поддерживаемая Паниным, тоже сочувствовала. Но тот же курьер вез собственноручную записку Екатерины, помеченную тем же днем, где императрица советовала фельдмаршалу держаться распоряжений, уже сделанных им при получении известий о петербургских событиях, и имевших в виду именно двинуть войска, состоявшие под его командой дальше, и закончить занятие завоеванных областей. Однако на этот раз Панину удалось настоять на своем. Но не всегда он бывал так удачлив. Настала минута, в конце его карьеры, когда он сохранял только декоративную сторону положения, в которое постоянно вторгалась самовластная самодержица и вечные хулители – ее фавориты. Уже великое дело – суметь удержаться в этом положении, если и не с блеском, то все же прилично, до самого конца. В этом Панину помогало замечательное хладнокровие, такт и выдержка; а, может быть, его недостатки даже больше, чем достоинства. Главными его помощниками были его вошедшая в поговорку лень, изнеженная жизнь, которую он вел, и беззаботность – смесь скептицизма и умственной лени, – введенная им для себя в систему.

Постоянно пытаясь подставить ему ногу и мало-помалу вытеснить из положения, которое она ему создала, и сохраняя только наружный почет, Екатерина, тем не менее, долго смотрела на своего первого министра, как на человека необходимого.

«Что же мне делать?» – отвечала она резко Орловым, указывавшим на проступки Панина и на его ухаживание за графиней Строгановой, у ног которой он забывал о государственных делах. «Императрице я нужнее, чем она мне», – со своей стороны говорил Панин графу Шереметьеву, за дочь которого сватался, когда Екатерина уже предназначила богатую наследницу одному из братьев тогдашнего фаворита. Орловым опять пришлось уступить; сама императрица продиктовала глас семьи, письмо с отказом, и графиня Шереметьева стала бы Паниной, если бы не неожиданное вмешательство смерти в эту семейную драму.

«Г. Панин, без сомнения, человек умный; манеры у него благородные, непринужденные. В нем есть задатки добросовестности, которые, к его чести, всегда проявляются и показывают действительную чувствительность. Он способен и сообразителен; он приятный собеседник, несмотря на то, что ему чрезвычайно трудно говорить последовательно, что он увлекается и при этом бывает часто нескромен. Но, несмотря на все эти преимущества, он далек от того, чтобы быть великим министром. Его лень и нерадивость невозможно выразить. Он проводит жизнь с женщинами и второстепенными придворными. С делами, даже первой важности, он не спешит. В нем все вкусы и причуды изнеженного молодого человека; мало образования; весьма несовершенное знание европейских государств; упрямство во многом, непостоянство в склонностях и отвращение к некоторым личностям; соединение мелкого ума, не идущего далее мельчайших подробностей, с желанием все видеть в широких размерах, в то время как он забывает самые главные вещи... Он весь в руках канцелярских служащих, злоупотребляющих его слабостью и в то же время громко попирающих его нерадение; одним словом твердый и правдивый в одном – в своем подчинении Его Прусскому Величеству...»

Таков нелестный портрет, который рисует в 1772 г. Сабатье де Кабр в своем письме из Петербурга к герцогу Эгильонскому. Он беспристрастен, потому что признает неподкупность первого министра, прибавляя при этом: «и, может быть, это единственный русский в этом отношении». Год спустя его преемник, Дюран, дает следующую характеристику: «Этот Панин человек добрый, но беспечный, ленивый и развратный, бессильный физически, безвольный и вялый умственно. Я знаю Паниных с малолетства. Министр был рядовым в военной гвардии... Он понадобился императрице Елизавете для другого... и оказался для этого негодным. Его

отправили в Швецию. Он прожил там двенадцать лет. Сон, брюхо, девки были его государственными делами».

«Чувственный по темпераменту и изленившийся», пишет со своей стороны шевалье де Корброн, другой французский уполномоченный, и подкрепляет свою оценку пикантными анекдотами. Нолькен, шведский посланник, которого Панин удерживал к обеду, извинялся необходимостью отправить депеши, не терпящая отлагательства. Тогда Панин с самым небрежным видом сказал ему:

– Видно, барон, что вы не привыкли к большим делам, если отправка какой-нибудь депеши мешает вам пообедать.

Для проверки этих согласных свидетельств мы имеем распорядок дня министра, записанный в 1781 г. маркизом де Верак. По его словам, министр имел обыкновение ложиться около пяти-шести часов утра «из-за беспокойства, которое ему причиняли ноги». Он вставал в два часа и принимался за туалет, продолжавшийся очень долго, благодаря его недугам. В четыре часа он принимал лиц, обыкновенно его ожидавших; но тут уже подавали обед; после него прогулка в экипаже и часовой отдых. В половине восьмого министр принимал своих обычных гостей, и день кончен. «Промежуток от половины седьмого до половины восьмого был единственным временем, когда с ним можно было говорить о делах; но состояние его здоровья постоянно доставляло ему благовидный предлог, чтобы не давать положительного ответа».

Приблизительно то же самое говорит Лаво в своих мемуарах, впрочем, вообще мало достойных доверия:

«Он очень любил еду, женщин и игру; от постоянной еды и сна его тело представляло одну массу жира. Он вставал в полдень; его приближенные рассказывали ему смешные вещи до часу; тогда он пил шоколад и принимался за туалет, продолжавшийся до трех часов. Около половины четвертого подавался обед, затягивавшийся до пяти часов. В шесть министр ложился отдохнуть и спал до восьми. Его лакеям стоило большого труда разбудить его, поднять и заставить держаться на ногах. По окончании второго туалета начиналась игра, оканчивавшаяся около одиннадцати. За игрой следовал ужин, а после ужина опять начиналась игра. Около трех часов ночи министр уходил к себе и работал с Бакуниным, главным чиновником его департамента. Спать он ложился обыкновенно в пять часов утра».

А между тем, во время пребывания де Верака в Петербурге Панин был лицом, официально заведовавшим внешними сношениями большого государства, и Иосиф II, посетивший около этого времени северную столицу, думая о Каунице, не мог не удивляться. Он писал матери: «У этого человека все только одни слова, а дела мало... Целый поток запутанных мыслей и выражений, в которых не разберешься».

Правда, французов и австрийцев можно заподозрить в некотором недоброжелательстве к решительному стороннику прусского союза. Но свидетельство, уже не подлежащее с этой точки зрения никакому подозрению – это свидетельство англичан. Панин стоит за них так же, как за Пруссию. Однако и они говорят в том же духе. Кэскарт жалуется в 1771 году на трудность увидаться и поговорить с первым министром: утром он невидим, а после обеда на прогулку. Сама императрица видится с ним только раз в неделю. Истинная причина, заставляющая государыню держать на посту такого бездеятельного министра – его нерадивость. Императрица не считает его достаточно деятельным, чтобы попытаться произвести переворот в пользу Павла. А Гаррис в 1778 г. пишет в депеше, адресованной главе Foreign Office: ³ «Вы не поверите мне, если я скажу вам, что в сутки Панин посвящает не больше получаса делам, вверенным ему».

Не желаете ли услышать голос самой Екатерины в этом концерте? Он тоже весьма выразителен. Мы уже упоминали в одном месте, как однажды она занялась несколько мрачной игрой,

---

³ Министерство иностранных дел.

состоявшей в предсказании, от чего может умереть то или другое из приближенных к ней лиц. Против фамилии Панина она написала:

«Если ему случится поторопиться».

И между тем в довольно длинном списке министров, служивших императрице, он в конце концов, кажется, способен более остальных выдержать суд потомства. Гаррис, одно время имевший причины жаловаться на него и даже заподозривший Панина однажды в желании отравить его салатом, не может не похвалить честность и прямоту министра во всех переговорах, где он участвует один. Он тоже считает его неподкупным. – «Потому что Фридрих лучше платил ему», – замечает от себя издатель записок Гарриса. То же думали в Панине и в Версале. Но во всяком случае этот пункт остается сомнительным. Этот странный человек, при своих несомненных слабостях и слишком очевидных низменных наклонностях, не раз проявлял как в частной, так и в общественной жизни действительно возвышенные взгляды и чувства. Это видно отчасти и из корреспонденции Фридриха с его петербургским посланником бароном Сольмсом. В 1764 г. Фридрих настаивает на необходимости воспрепятствовать полякам отказываться от их *liberum veto*. Панин же восстает против этого: зачем мешать этой нации «выйти из того подобия варварства, в котором ее держит это злоупотребление свободой?» Польша сильная и крепко привязанная к России – вот его идеал... В 1774 г., когда Фридрих добился своего, Панин получил свою долю наследства после несчастной разделенной республики: десятки тысяч польских душ, подаренных ему императрицей. Он отдал их своим чиновникам, не желая извлекать выгоды из сделки, которую не одобрял. Когда разразилась ужасная пугачевщина, Панину, уже давно устраненному от управления делами все усиливающимся влиянием Потемкина, ежедневно терпевшему унижения и обиды от этого соперника, которого он считал недостойным, представлялся случай отомстить. Фаворит, «ничего не понимающий и не желающий понять», был не такой человек, чтобы справиться с грозой. Смелость и искусство, на которые он был способен, обнаруживались пока только в происках с заднего крыльца и будуарных победах. Сидя сложа руки и сохраняя бездействие, к которому его принудили, Панин мог быть уверен в отмщении за себя. Но он и не думает об этом. «Надо спасти государство, – пишет он брату, – а после того уж можно уступить свое место господствующим фаворитам и окончательно сойти со сцены».

Но он не ушел в назначенный им таким образом час, и это было несчастьем для оставленной им памяти. И особенно с этой минуты, при его положении министра не у дел, к которому он возвратился после победы, началось его умственное и нравственное падение.

Екатерина испытывала досаду даже к заботам, которыми он окружал семью наследника, его воспитанника. «Можно подумать, что мои дети и внуки больше его, чем мои». Управление Министерством иностранных дел, во главе которого он остается только формально, официально передается в 1871 г. Остерману. Об этом извещаются иностранные послы. Он уже не получает депеш; ему разрешается не присутствовать в совете; он отпускает своих секретарей и остается в Петербурге – по его собственным словам – только для того, чтоб императрица всегда имела перед глазами памятник своей неблагодарности. Он умер два года спустя, и Екатерина посвятила ему в своей переписке с Гриммом надгробную надпись, не оставляющую желать ничего лучшего из памятников этого рода. За человеком, еще казавшимся ей необходимым в 1767 г., она не признает другого таланта, кроме умения выставить напоказ достоинства, не принадлежащие ему. «Никто не владел этим искусством в большем совершенстве. Из ничего он умел устроить себе великолепную одежду из чужих перьев, и чем менее она принадлежала ему, тем более он величался ею, для того, чтоб его считали отцом ребенка, которым обыкновенно он бывал обязан другому».⁴

---

⁴ Переписка с Гриммом. Сборник Императорского Русского Исторического Общества.

Другому? Вероятно, одному из Орловых или Потемкину. Конечно смелый ум первых и необузданный характер второго мало были способны ужиться с холодным, уравновешенным умом Панина и должны были в конце концов устранить его; но характер и взгляды самой Екатерины, насколько мы их знаем, еще действительно способствовали этому. «Она отделилась от него из зависти и самолюбия, – писал де Верак в 1781 г., – чтоб не могли сказать, что он принимал участие в успехах, о которых она мечтает. Как только ей показалось, что она может обойтись без него, она решила его судьбу».

Устранение от дел и, наконец, исчезновение Панина совпадают с торжеством австрийской политики на берегах Невы и окончательным разрушением прусского союза. Однако между этими двумя событиями нет, по крайней мере прямого, отношения как между причиной и следствием. Панин, правда, был защитником этого союза. «Не бойтесь, – говорил он в 1783 г. Сольмсу, – пока не услышите, что мою постель вынесли из дворца...» Постель его оставалась во дворце до 1783 г.; но влияние прекратилось гораздо раньше этого времени. Несмотря на его несочувствие, раздел Польши считается одним из блестящих дел его карьеры. Два другие – как злобно заметили, – обмен Голштинии на шесть кораблей, которых Дания так никогда и не доставила, и – воспитание Павла. Это тоже может служить надгробной надписью, не уступающей Екатерининской.

Вспомогательную причину несогласия, с первого часа возникшего между императрицей и министром и окончившегося устранением последнего, следует видеть в либеральных идеях, внесенных в управление воспитателем Павла. И Екатерина со своей стороны внесла такие же; но мы знаем, как она их применила. Панин отказался последовать за ней в такой быстрой перемене. Говорили о проекте конституционной реформы, которую он якобы выработал в 1776 г. сообщая с первой женой великого князя. В этом году великая княгиня Наталья умерла от родов, и стали ходить зловещие слухи, обвинявшие повивальную бабку, помогавшую великой княгине. «Несомненно, – пишет в своих записках князь Долгорукий, – что эта женщина разбогатела, и что Потемкин бывал у нее».

Одно достоверно: что, постепенно удаляясь от философского и гуманитарного идеала, улыбавшегося ей в молодые годы, и с каждым днем утверждаясь в своих наклонностях к личной и непосредственной власти, Екатерина все менее и менее оказывалась расположенной терпеть вокруг себя людей с умом и характером Панина. Чтоб заменить их, она придумала и создала тип чиновников совершенно новый, по крайней мере в России: людей простых, трудолюбивых, занятых исключительно своим делом; не желавших задаваться никакими вопросами, выходящими за обычные рамки того, что от них требовалось; честных, по крайней мере относительно, и безусловно послушных. Найдя князя Вяземского и поставив его на место генерал-прокурора империи, она думала, что нашла искомое.

III

Это была должность чрезвычайной важности. Генерал-прокурор был тогда начальником всех отдельных прокуроров, состоявших при каждом департаменте Сената и служивших там представителями непосредственных действий центральной власти, т. е. государя. Так как между этими департаментами было разделено почти все высшее управление страны, то глава их был одновременно и министром финансов, и министром юстиции, и почти министром внутренних дел. Предшественник Вяземского, Глебов, был креатурой Петра III. Когда он занял этот пост в час смерти Елизаветы, он уже совершил все проступки, которыми мотивировалась его отставка. Между прочим, с помощью второстепенного чиновника Крылова он без пощады обирал иркутских купцов. В качестве понудительной меры им применялась пытка. Один купец, поднятый на дыбу, провисел на ней три часа и умер, заплатив 30 тысяч рублей, которые Глебов и его сообщник разделили между собой. По доносу Крылов был в 1760 году наказан кну-

том на одной из площадей Иркутска и осужден на вечную каторгу; но Глебов сделался генерал-прокурором. Только в 1764 г., спустя два года по своем вступлении на престол, Екатерина узнала обо всем происходившем в Сибири или, по крайней мере, о роли, которую играл в том ее генерал-прокурор. Она удовольствовалась приказанием ему подать в отставку. В 1773 г. он снова поступил на службу и был членом суда, судившего Пугачева; в том же году он получил генерал-губернаторство в Смоленске, скопил в короткое время до полумиллиона и снова был отозван. Он умер членом Правительствующего Сената. Екатерина не могла слишком близко следить за выбором своих сенаторов. Князь Вяземский составлял исключение. Говорят, что когда он вышел в отставку, у него оказалось два-три миллиона; между тем как, поступая на службу, он имел всего шесть серебряных приборов. Но он составил себе это состояние в течение многих лет. Глебов же шел слишком быстро.

Сын флотского лейтенанта и воспитанник кадетского корпуса, служивший в армии, где дослужился до чина генерал-квартирмейстера, Вяземский не казался специально подготовленным для административных и судебных функций, предназначавшихся ему Екатериной. В аттестате, выданном ему по окончании курса в корпусе – единственном полученном за всю его жизнь – сказано: «знает историю и фортификацию; рисует масляными красками пейзажи; говорит и пишет по-немецки; учился всеобщей истории, географии по картам Хоманна и современной истории; немного фехтует и танцует менуэт».⁵ Однако этот танцор менуэта проявил знание, благодаря которому в продолжение четверти века пользовался доверием и милостью своей властной повелительницы: он умел повиноваться. И больше того: он служил для Екатерины олицетворением понимания вопросов правления иначе, чем понимала их она, приняв бразды правления, но к какому склонялась она все больше, чем больше осваивалась со своим положением самодержицы. Он сделался душой консервативной и ретроградной партии, главой целого ряда старорусских, яростных противников всех реформ и врагом всякого иностранного влияния. Наука, литература, искусства нашли в нем далеко не мецената. Он страшно спорил с княгиней Дашковой, – урезывая ее академический бюджет и преследуя ее сочинения. Он отзывался о каждом плохом ремесленнике: «Поэт», или «Художник». Это не мешало Екатерине по своему покровительствовать живописи и поэзии; она, по-видимому, воображала, что для этого достаточно ее существования, и была благодарна Вяземскому за пример воздержания, который он подавал ей в этом отношении. Он позволял ей все же казаться и чувствовать себя щедрой путем сравнения и реабилитировать себя в собственных глазах за измену, в которой она не могла не чувствовать себя виновной перед своими прежними взглядами и склонностями. И в нравственной ломке, которую ей пришлось пережить, удаляясь от всего этого, Вяземский помог ей совершить самые трудные шаги. Она держала его на своей службе в продолжение тридцати лет.

Он был вполне русский, как Панин и Глебов, как и Чернышевы – по крайней мере, довольно сомнительно, чтобы последние были польского происхождения, которое возводят к пятнадцатому веку. Чернышевы принадлежали к древнему дворянскому роду, долгое время не выдвигавшемуся вперед. Их целый ряд. Три брата: Захар, Петр и Иван, блиставшие при Екатерине, принадлежали к младшей ветви. Старший стал известен только впоследствии, когда в 1811 году, получив вместе с Александром Чернышевым дипломатическую миссию в Париж, воспользовался ею, чтоб посетить тайком канцелярию министерства иностранных дел. Барон Биньон, сопровождавший Чернышева на обратном пути по варшавской дороге и шутивший над его необыкновенно отдувшимися карманами, не подозревал, что в них скрывалось. Этот дипломат с двойной миссией – можно бы сказать, «с двойным дном» – сделался министром при Николае. Глава младшей ветви Григорий Петрович был обязан возвышением женитьбе на Евдокии Ивановне Ржевской, последней любовнице Петра I, которую слухи винили в прежде-

⁵ «Биография министров» Терещенко.

временной кончине царя. Чувствуя в себе болезнь, которая свела его в могилу, и подозревая ее происхождение, Петр удовольствовался тем, что, признав мужа виновной, приказал «выпороть Евдокию». Евдокию высекли, но царю от этого не стало лучше. У Григория Петровича было четверо сыновей. Старший был послом в Копенгагене, потом в Берлине и в Лондоне, где у него произошла знаменитая встреча с дю Шателэ, который, видя, что у него отнимают место, отбил его у непрошеного гостя; и, наконец, в Париже, где он не заявил себя ничем более блестящим. Из трех других, Андрей, пользовавшийся милостями Екатерины еще в бытность ее великой княгиней, сошел со сцены еще до ее восшествия на престол; Захару, тоже бывшему близким к императрице, чуть было также не пришлось стусеваться. Находясь в июле 1762 г. в главной квартире Фридриха, куда Петр послал его с предложениями мира и союза, он совершенно потерял голову при известии о государственном перевороте и послал прошение об отставке. Екатерина приняла ее, «потому что он не хотел более служить ни ей, ни отечеству». Однако она простила необдуманый поступок, дала Захару гвардейский полк и назначила вице-президентом военной коллегии. Два года спустя, в 1764 г., он снова напортил себе: во время обсуждения в коллегии дела одного офицера, обвинявшегося во взяточничестве, он осмелился приписать на полях резолюции: «Государыня *должна* простить». Екатерина не допускала, чтоб распоряжались так ее волей или милостью. Панин спас виновного. Ему казалось выгоднее поддержать старый фавор Чернышевых против нового фавора Орловых – одну семью в ущерб другой. Действительно, в 1772 году Захар и его брат Иван соединились с ним, чтобы подготовить падение Григория Орлова, но тотчас же переменили фронт, чтоб подорвать кредит самого первого министра, казалось, стоявшего на дороге их новых домогательств. Борьба продолжалась до 1780 г. Тогда появился третий вор, примиривший всех: Захара Чернышева, отняв у него портфель вице-президента военной коллегии, и Панина, оставив за ним только почетный титул его должности. Григория Орлова заместил и отместил за него Потемкин. Захар отправился губернатором в Москву, где он умер, спустя четыре года. Иван отделался легче. Екатерина назначила его – сама, вероятно, не зная почему – президентом адмиралтейской коллегии. Он ездил морем в Лондон, сопровождая в качестве секретаря дядю Петра: это единственное, что давало ему право на полученную должность. В действительности же, как прежде, так и после, флотом управлял Алексей Орлов, понимавший в этом деле не больше Чернышева, но умевший выбирать своих подчиненных. Как вполне светский человек и приятный собеседник, Иван Чернышев служил украшением двора Екатерины. Павел, желавший видеть во флоте моряков, решился произвести его в фельдмаршалы. «В моряка пресных вод и маршала соленых», как говорили тогда.

Честолюбие, беспокойное, суетливое и сварливое, было двигательной пружиной всей этой семьи. «Эти люди», – пишет Дюран в 1773 г., – «всегда хотят быть не тем, что они есть. Когда один из них был прокурором Сената, он желал быть в адмиралтейской коллегии; когда он попал туда, он пожелал стать посланником; будучи посланником, он не останавливался ни перед какой глупостью, чтоб вернуться во флот; а потом чтобы стать министром иностранных дел. Если б ему удалось, он пожелал бы стать государем». Екатерина не обращала на все это внимания. Она, без сомнения, оценивала по достоинству этих карьеристов и, вероятно, разделяла мнения Гарриса, говорившего о них в 1782 г. в своих набросках для английского министерства иностранных дел об Императорском Петербургском дворе: «Шуваловы, Строгановы и Чернышевы остаются тем, чем были всегда: *парижскими парикмахерами*». Сабатье признавал, впрочем, за Захаром административные способности, искупавшие «всю низость его души». Что же касается притязаний Чернышева стать «русским Шуазёлем», то они казались Сабатье такими же дерзкими, как Кэткарту, предшественнику Гарриса.

IV

Совершенно другой человек сделался приемником Панина, поскольку Екатерина считала нужным дать преемника своему первому министру. Однажды – это случилось в 1775 г., на масленице, – велев подать себе за завтраком блинов и найдя их особенно вкусными, Екатерина вздумала великодушно поделиться ими со своими секретарями. Ни одного не оказалось налицо: масленица давала себя знать. – Как? Никого? – воскликнула недовольная государыня. Нет, в приемной есть кто-то: это новичок – *хохол*.

Хохол! — сглаживающая все работа времени уничтожила презрительный оттенок этого прозвища, которым великороссы иногда еще именуют малороссов-уроженцев Буга или Днепра, легко отличаемых по говору.

– Впустить, – приказала Екатерина. – Все равно, что один, что другой. – Хохол вошел. Ему было двадцать восемь лет; держался он застенчиво; лицо имел самое обыкновенное; не говорил он ни на одном иностранном языке, а по-русски со своим ужасным местным акцентом. Но он ел блины с такой жадностью, а его губастый рот и восхищенные глаза выражали такую откровенную чувственность, что симпатический ток незаметно приблизил его к великой сластолюбнице, какой была Екатерина. Наблюдая за его едой, она заговорила о законе, смысл которого ей не был ясен. Не пропустив ни одного блина и без малейшего усилия памяти он повторил текст закона. Она пожелала проверить цитату. Хохол невозмутимо указал том и страницу. Императрица пришла в восторг. Это был драгоценный человек. Она пожелала работать с ним каждое утро. Он говорил с акцентом, но его быстрое перо исправляло ошибки, которые ему попадались в докладах обыкновенных секретарей ее величества. Он знал грамматику и орфографию и оказался настоящим кладом.

Его фамилия была Безбородко.

Он, по-видимому, происходил из семьи польских перебежчиков Ксенжницких. Одному из его предков удар сабли снес подбородок, и он получил прозвище «Безбородка» или Безбородко, перешедшее затем к его потомкам. Другого наследства предок своему потомству не оставил. Однако будущий государственный канцлер получил воспитание в петербургском кадетском корпусе; но шутки его товарищей, преследовавших в нем «хохла», каким ему суждено было остаться на всю жизнь, по-видимому, обрекли его там на бесцветное существование. И впоследствии он, действительно, прозябал в низших должностях в своей провинции, вдали от столицы с ее широкими перспективами. В 1764 г., по выходе из корпуса, ему не без труда удалось поступить в канцелярии Румянцева, недавно назначенного правителем Малороссии. Десять лет спустя Екатерина заметила, что донесения, получаемые ею оттуда, были составлены лучше, чем получаемые из других мест. «Прислали бы вы мне кого-нибудь из ваших секретарей», – писала она Румянцеву. Румянец прислал Завадовского и Безбородко. Завадовский быстро пробился вперед до ослепительного положения, в котором, впрочем, продержался недолго: он считался фаворитом с 1775 до 1776 г. Безбородко сначала стоял в тени: он был всего лишь *хохол*. Счастливая случайность, о которой мы упомянули, решила его судьбу. С этой минуты он сумел сделаться необходимым. Официально ему было поручено рассмотрение просьб, подаваемых императрице; но в сущности через его руки проходили все дела, а главным образом особенно щекотливые. Упомянув о Безбородко этого времени в своей корреспонденции с Гриммом, Екатерина обыкновенно называет его: «мой фактотум» или просто «фактотум». Он сумел также сделаться приятным и полезным герою дня, который, составляя единственное исключение в истории Екатерины, остался им и на следующий день: Потемкин сделался его покровителем. В 1778 г. «Придворный журнал» называет Безбородко двадцать раз в числе приглашенных вместе со знатными сановниками на обеды к императрице. Один раз он даже сидел за одним столом с государыней. Но только после смерти Панина он оконча-

тельно занимает место в высших придворных сферах и начинает принимать деятельное участие в политике. При Остермане, представлявшем собой полное ничтожество, заведование Министерством иностранных дел в действительности лежало на Потемкине, который справлялся только благодаря Безбородко, получившему пост статс-секретаря. Все переговоры, требовавшие известного искусства, проходили через его руки; вся изворотливость, к которой часто приходилось прибегать императрице и фавориту в делах иностранной политики – дело его головы. Широкие планы были не по нем. Однако он первый, и очень скоро – в 1776 г. – выступил с планом присоединения Крыма и доказал возможность осуществления своего проекта.

Такое положение продолжалось до 1791 г., когда смерть Потемкина и все усиливающееся влияние Зубова отодвинули драгоценного сотрудника на второй план. Между тем хохол сделался графом Священной Империи и быстро разбогател. В числе прочих доходов, он имел в своем ведении суммы почтового ведомства, которыми распоряжался, не отдавая никому отчета. Ко времени смерти императрицы он владел 16 000 крестьян, соляными варницами в Крыму, рыбными промыслами на Каспийском море и вообще громадными богатствами.

Одаренный изумительной быстротой в работе и замечательной находчивостью, Безбородко нуждался и в той, и другой для поддержки своей карьеры, потому что постоянно вел сразу жизнь человека занятого, с одной стороны, а с другой – жизнь развратника, преданного всем удовольствиям – игре и женщинам. И про него, как про многих других, говорили, что он пользовался мимолетным вниманием Екатерины. Но, некрасивый, неизящный, неостроумный, он не обладал ни одним качеством, обыкновенно решавшими выбор императрицы. Он предавался частым и грубым любовным наслаждениям. Роман его жизни – это его гарем, всегда полный и часто возобновлявшийся. В 1787 г. Гарновский заносит в журнал, который ведет для Попова, доверенного Потемкина:

«В силу полученного ею фирмана, премьерша сераля Рейс-Эффенди (Безбородко), Мария Алексеевна Грекова, соблаговолила отправиться на сих днях в Москву в сопровождении Кизляр-Аги (черного евнуха), г. Рубана, и многочисленной свиты, разместившейся в двух четырехместных каретах и нескольких „русских“ повозках».

Два месяца спустя он опять пишет:

«Четыре дня тому назад сюда вернулся из Италии певец Капасчини и привез с собой для Безбородко двух молоденьких итальянок. Обе подверглись испытанию, но не знаю, будут ли обе приняты в сераль».

Екатерина терпит все это. Она собственноручно подписывает указ о награждении орденом св. Владимира г. Рубана. Она улыбается, когда однажды, поссорившись с Безбородко, Остерман при всем совете упрекает его за эту постоянную оргию с красавицами, содержание которых обходится очень дорого. Безбородко пожимал только плечами и, намекая на всем известное супружеское несчастье министра, отвечал, что действительно любит девок, так как от них легче отделаться, чем от законной жены, даже тогда, когда последняя была раньше известной ..... Он имел возможность часто менять своих итальянок. И Екатерина иногда сама помогала ему. Она выслала из Петербурга певицу Давиа, получавшую от Безбородко 8 000 рублей в месяц и обманывавшую его направо и налево. Впрочем, Италия не пользовалась его исключительным предпочтением. Он осыпал золотом знаменитую русскую актрису Сандунову, которую сменила танцовщица Каратыгина, имевшая от него дочь. Он выдал эту дочь за статского советника, дав ей в приданное дом в Петербурге и имение, приносящее 80 000 рублей дохода. Каратыгина долгое время играла роль хозяйки на даче, близ столицы, куда приглашались все друзья министра с их возлюбленными на великолепные празднества, во время которых, по специальному разрешению императрицы, в честь веселой компания стреляли из пушек. Однажды вечером, играя в вист с Роджерсоном, Безбородко забавлялся, приказывая залпами возвещать о каждом ренонсе лейб-медика.

Но хохол, продолжавший жить в сокровенной глубине его души и тела, не удовлетворялся этим пышным развратом. Каждую субботу, сняв свой великолепный, украшенный бриллиантами придворный наряд, фактотум Екатерины искал других удовольствий. В простом синем кафтане и круглом картузе без козырька, с неизменными ста рублями в кармане, он исчезал до утра понедельника. Зимой его можно было встретить около пяти часов утра на маскарадах француза Лиона, посещавшихся низами петербургского общества. Однажды курьер императрицы, разыскивавший Безбородко с вечера, нашел его там мертвецки пьяным. В минуту он отрезвился, велел отвезти себя домой, окатить холодной водой, пустить кровь из обеих рук, а затем оделся и поехал во дворец. Приехав туда, он уже мог рассуждать совершенно ясно. Но императрица спросила его о проекте закона, который ждала уже давно. Он ответил, что проект готов, вынул из кармана бумагу и начал читать. Императрица несколько раз выражала свое одобрение и, наконец, сказала:

– Великолепно, но дайте мне текст, мне хочется его прочесть самой на досуге.

Безбородко побледнел и упал на колени, умоляя императрицу простить его. Текста не существовало, на листе, который он держал в руках, ничего не было написано: он не читал, а импровизировал.⁶ Екатерина простила; но в конце концов и ее снисхождение, с примесью удивления, истощилось. Она полагала, что с годами Безбородко сам отстанет от своих выходов. А он, вероятно, полагал, что она не подает ему примера, не меняя ничего в своих привычках. Безбородко стесняла постоянная выдержка и официальная напряженность, которую его должность заставляла сохранять. Он чувствовал себя неловко в придворном наряде – платье французского покроя, в которое он втискивал свое грубо отесанное мужицкое тело, и в шелковых чулках, вечно спускавшихся с неуклюжих ног – поэтому он был всегда неловок, угрюм и брезглив среди императорского декорума, в котором обязан был принимать участие. Его грубый темперамент периодически требовал отдыха. Со своими собутыльниками и подчиненными он становился непринужденным, остроумным и грубым, тривиально и цинически веселым. В душе он был добрым малым. В его приемной ежедневно толпились малороссы, привлеченные в Петербург его удачей и ищущие места или помощи. Однажды, в то время как Безбородко принимал своих посетителей, до него донеслись шум и возня в соседней зале, куда было запрещено пускать кого бы то ни было. Однако один из его земляков, пришедший хлопотать о вакантной должности, пробрался туда и, вероятно, соскучившись ждать, принялся гоняться за мухой. Мало-помалу он увлекся этой охотой за увертливым насекомым и, преследуя его, сдвигал мебель, обрывал драпировку. Муха села на дорожную севрскую вазу. Сильный удар кулаком, и ваза разбивается вдребезги, а муха благополучно летит дальше. В ту же минуту, сзади виновника катастрофы, раздался насмешливый голос:

– Что, промахнулся?

Малоросс обернулся и, увидав перед собой всемогущего советника императрицы, думал, что настал его последний час. Но голос продолжал:

– Ну, поговорим; постараемся, по крайней мере, поймать место.

Странная особенность: этот малоразвитый человек являлся любителем и усердным покровителем наук и искусств. Недвижимость, состоявшая из его многочисленных домов, была оценена по его смерти в 4 миллиона рублей, не включая картинной галереи, одной из самых богатых в России. Он купил в 1796 г. целую массу нарядов и ценных скульптурных произведений, собранных во время революции графом Головкиным. В числе последних находился *Амур* работы Фальконе, изваянный им для мадам де Помпадур. Безбородко был очень близок с тремя талантливыми писателями, которым он покровительствовал и часто оказывал

⁶ Греч. Записки. Стр. 331. Подобные смелые выходы совершенно в духе славянского ума. Такую же проделку приписывают около того же времени некоему Весничееву, правителю канцелярии губернатора Кречетникова в Калуге. («Москвитянин», 1842, т. I, стр. 478). Про одного из самых выдающихся ораторов польского сейма 1788—1792 г. князя Сапегу говорили, что он ежедневно напивался. Утром же, обвязав голову холодным компрессом, он импровизировал самые красноречивые речи.

материальную поддержку. Прежде всего с Львовым, русским «ле Шапеллем», как его называл Грот, переводчиком «Анакреона» и сочинителем нескольких эротических стихотворений со звучной рифмой. Муза и образ жизни поэта подходили ко вкусам и привычкам *фактотума*. Через Львова Безбородко познакомился с Державиными. В изданной переписке последнего все восемь писем, адресованных к Безбородко, заключают в себе либо просьбу о вспомоществовании, либо благодарность за уже оказанное пособие. Получая отовсюду подачки и кормясь, где можно, Державин всю жизнь нуждался. Екатерина наградила певца «Фелицы» четырьмя тысячами рублей именно по просьбе Безбородко и только благодаря заступничеству последнего оставила в 1795 г. без наказания автора оды «Властителем и судьям», где ее цензура открыла яacobинские тенденции. Это не мешало Державину время от времени громить в своих александрейских стихах сарданапальскую жизнь сильных мира сего – Потемкина и Безбородко, в которой он сам первый принимал участие – и не раз, забывая всякую благодарность и дружбу, жаловаться в своих строфах на слепую Фортуна, не обращающую внимания при возвышении людей на талант и заслуги. Также и Хемницер, первый русский баснописец, предшественник Крылова, умерший в 1784 г. всего сорока лет, пользовался в течение своей карьеры покровительством мецената-малоросса.

Граф Ростопчин, проницательный наблюдатель и вообще довольно строгий ценитель вещей и людей, составлявших правительство в последние годы царствования Екатерины, относился снисходительно к талантам и заслугам Безбородко. Почти единственное, в чем он упрекал его – это та обстановка, которой тот окружил себя. «Люди, составляющие ее, – говорит он, – только и думают, как бы поесть да напиться, да вертеться на глазах у хозяина, который, наконец, начинает смотреть на них как на „мебель своего дома“. Ростопчин, правда, поддерживал дружбу с Семеном Воронцовым, благородным лондонским изгнанником, часто прибегавшим к Безбородко, возвышению которого способствовал. Гарновский в одном из своих писем к Попову называл Безбородко „вьючной лошадью Семена Романовича“. Надо также призвать некоторый вес и за оценкой маркиза де Верака, писавшего о Безбородко и его сотруднике Бакунине: „Будучи свидетелем, как я, рассеянной жизни, которую они ведут, приходится удивляться не тому, что дела идут плохо, а тому, что они вообще еще идут“.

Что особенно говорило в пользу *фактотума*, ввиду этих разноречивых свидетельств – это то, как он был замещен. В действительности Екатерина только тогда начала находить в нем недостатки, когда решила принять услуги Зубова. Безбородко сначала боролся с фаворитом. Однажды, когда во время чтения им какого-то рапорта Екатерина показала, что скучает и недовольна, он собрал свои бумаги, как бы собираясь уйти. Екатерина извинилась, и мир был заключен. Но фаворит быстро шагнул вперед. Марков, секретарь Безбородко по французской корреспонденции, тоже ушел от него к Зубову. Это была большая потеря: Марков долгое время жил в Петербурге и научился там тонкостям дипломатического языка, употребляемого при европейских дворах. Его переход принес ему в очень короткое время титул графа, ордена св. Александра Невского и Владимира, четыре тысячи крестьян в Подольской губернии и многочисленные денежные подарки, в которых он очень нуждался, чтобы удовлетворить роскошной жизнью мадемуазель Хюсс, знаменитую, очень хорошенькую и очень расточительную французскую актрису, с которой Марков жил в гражданском браке.

К Безбородко, назначенному в 1792 г. после смерти Потемкина уполномоченным для ведения мирных переговоров с Турцией, на короткое время вернулись влияние и престиж. Празднества, устраиваемые им по этому случаю, напоминали своей роскошью пиры великолепного завоевателя Крыма. Но вернувшись из Ясс, он увидел, что, имея титул вице-канцлера, он уже не имел должности: дела, находившиеся в его ведении, оказались распределенными между креатурами Зубова. Это был обычный прием Екатерины. Безбородко окончательно унижается перед фаворитом, прибегая к его посредничеству, чтобы получить вакантную должность гофмейстера. Он работает с ним, как некогда работал с Екатериной, и выслушивает

почтительно болтовню и дерзкие замечания этого двадцатичетырехлетнего молодого человека. Спина у хохла под грубой оболочкой оказалась гибкой. Он, правда, уже начал поговаривать о своем намерении выйти в отставку, даже сообщил Воронцову о своем решении совершенно уступить место новому «министру всех дел», которого нашла себе Екатерина; но медлил, имея основательную причину: в это время заканчивался раздел Польши; предвиделась добыча, и он надеялся, что на его долю тоже кое-что перепадет. Расточителен, но охулки на руку не положит этот приднепровский мужик!

Ему дали только приличную долю: крупные куски – для Зубова и его друзей, которым императрица желала приписать славу и выгоду, полученные от совершившегося на берегах Вислы. Безбородко выходил из себя, рвал и метал от ярости. Разве не он посоветовал передать руководство предприятием старику Румянцеву? Разве не он указал для выполнения плана на Суворова, забытого в своей глуши? Но и тут он, как всегда, покорился. Он даже хватался за наружность и гнался за тенью власти, которой у него уже не было: каждый день он отправлял свою карету – пустую – к крыльцу дворца, порог которого переступал теперь редко. Иногда Безбородко проникал даже в уборную императрицы, где ожидал приема; о нем докладывали; но он отклонял предложенную честь, «не имея сообщить государыне ничего особенного». И если Екатерина, бывавшая тоже не прочь сделать что-нибудь напоказ, настаивала на приеме его, то знаменитому камердинеру, выдавшему сколько раз императрицу с ее советником в беседе о важнейших делах, теперь приходилось слышать, как их свидания, – производившие немедленно переполох и при дворе, и в городе, – проходили в разговорах о самых заурядных вещах. Как прежде, Безбородко вынимал из кармана какие-то листки: но они оказывались каким-нибудь мальчишеским письмом его молодого друга князя Кочубея, назначенного по его ходатайству послом в Константинополь, где он занимался чем хотел, только не восстановлением Греции.⁷

Так продолжалось до того момента, когда в той самой комнате, где царствовали испуг и смятение, внесенные неожиданной смертью, помертвевшие придворные преклонились перед новым повелителем. Уверенный в расположении Ростопчина, сделавшегося всесильным в эту минуту, Безбородко явился одним из первых. Павел принял его милостиво. Не подозревал ли он, что у графа хранится тот ужасный документ, о котором столько говорили – орудие его падения; завещание, лишшающее Павла престолонаследия? Мы еще вернемся впоследствии к этому вопросу. Но скажем вперед, что до сих пор он не получил положительного решения. Павел проявил большую щедрость к впавшему в немилость слуге матери; может быть, он просто был рад найти человека, опытного в делах и врага Зубова. Безбородко был возведен в сан канцлера, получил титул князя и потомственный титул светлейшего, кроме того несколько квадратных верст казенных земель в Воронежской губернии, город Дмитриев и огромные поместья в Орловской губернии. У Безбородко, таким образом, оказалось до 45 тысяч крестьян, что не помешало ему входить в долги до самой смерти.

Он умер в 1799 г., оставив по себе воспоминание, как о человеке искусном, не злом, но вообще мало достойном уважения; способном, но не одаренном выдающимся умом, и характера обыкновенного. Его заведование делами не оставило следа какой-нибудь руководящей идеи, присущей ему лично. Он ненавидел Францию и выказал себя решительным противником сближения с этой державой; но и в этом отношении его антипатия – может быть, инстинктивное отступление перед сближением с культурой, утонченность которой оскорбляла или беспокоила его – только отвечала наклонностям Екатерины, тоже естественным, но вызванным

---

⁷ Григорович, автор научной «Биографии Безбородко», появившейся сначала в «Русском Архиве» (1875—77), оспаривает эти данные, почерпнутые нами из «Записок» Грибовского и переписки самого Безбородко. Григорович утверждает, что Безбородко до смерти Екатерины пользовался большим доверием императрицы. Мы не можем разделять это мнение. Некоторые места в письмах Безбородко к С. Воронцову ясно показывают, что он не был уже в курсе важных дел, касавшихся внешней или внутренней политики императрицы.

другими мотивами. В нем не было изящества, и этим, вероятно, объясняется его неприязнь к такому изящному человеку, как посланник граф де Сегюр; не было также и умения внушить уважение к себе, что, вероятно, заставило Екатерину отвернуться от него. Его плохо натянутые чулки оказались не только врагами французского союза; но также и его собственного счастья.

V

Среди придворных Екатерины был еще один малоросс, который, играя роль незначительную, занимал, однако, видное положение. Граф Кирилл Разумовский был меньшим братом Алексея, фаворита и предполагаемого супруга Елизаветы. Сын украинского крестьянина, Григория Разума, Алексей начал свою карьеру в С.-Петербурге – певчим в придворном хоре, где его красивый голос обратил на себя внимание императрицы. Кирилл подвигался в своей карьере так же быстро, как красавиц певчий. В пятнадцать лет, кое-чему научившись в Берлине у математика Эйлера, он уже был камер-юнкером; в шестнадцать – графом Священной Империи; в семнадцать – камергером и кавалером ордена св. Анны; в двадцать – ордена Александра Невского и – президентом Академии Наук! Год спустя он женился на княжне Екатерине Нарышкиной, двоюродной сестре императрицы Елизаветы, самой богатой русской наследнице, и продолжал все возвышаться в чинах. Он был генерал-адъютантом, командовал гвардейским полком, а в двадцать два года сделался гетманом малороссийских казаков. Этот пост оставался незамещенным в продолжение шестнадцати лет – со времени смерти последнего выборного гетмана. Елизавета восстановила эту должность для Кирилла и пожаловала ему все огромные доходы, накопившиеся за время, пока это место оставалось незанятым. И Петр III отнесся хорошо к этому баловню судьбы, что однако не помешало Кириллу стать на сторону Екатерины и помогать ей во время государственного переворота. Он втайне вздыхал по прекрасным глазам великой княгини, но служил ее интересам с осторожностью, боясь скомпрометировать себя. Измайловский полк, которым он командовал, должен был первым приветствовать новую императрицу. Разумовский знал это, молчал, но отказался выдвинуться вперед. Самый отважный и вспыльчивый из Орловых, Алексей, попытался побороть его осторожность и изворотливость, решившись однажды ночью проникнуть в спальню гетмана, чтоб переговорить с ним об общем плане. Разумовский выслушал молодого человека, как бы подумал и, покачав головой, посоветовал ему обратиться к кому-нибудь другому: «к тому, кто знает больше нас с вами». И, загасив свечу, он громко захрапел. Однако он все же принял деятельное участие в выполнении заговора, как – типограф. Манифест о восшествии на престол Екатерины был напечатан в подвалах Академии Наук.

Новая императрица была в затруднении, как наградить Разумовского за такое участие. Самому богатому человеку в России нельзя было заплатить деньгами. Она назначила его в Сенат: это было довольно скучно, и Разумовский взглянул на свое назначение именно с такой точки зрения. С этой минуты он разыгрывает роль недовольного, дует на фаворита Орлова и разрушает проект брака, на который Екатерина соглашалась в 1763 г. В следующем году он вздумал сам себе назначить награду за свои услуги: он возмечтал сделать гетманство наследственным. Его ставленники работали среди казацких главарей и убедили их подписать прошение в этом духе. Екатерина была удивлена и недовольна: проект шел прямо вразрез с ее объединительной политикой. Орловы сочли случай удобным, чтоб отомстить и очистить место, которое, без сомнения, должно было достаться одному из них. Они усердно принялись хлопотать, и Екатерина не мешала им. Разумовский испугался – он вообще был не из храбрых – и подал в отставку. Этого только и ждала Екатерина; но Орловых постигло разочарование: оставшееся свободным гетманство просто, без дальнейших разговоров, было уничтожено и заменено коллегией. Эту коллегиальную административную организацию особенно любила великая императрица, и до сих пор подобные организации пользуются в России симпатиями, как

представляющие наиболее гарантий. В наше время они применяются даже в железнодорожных вагонах, где контроль никогда не бывает единоличным. При билетном контролере всегда идет помощник, иногда два: это коллегия в ее зачаточном виде. Во главе коллегия, которой Екатерина поручила управление Малороссией, она поставила Румянцева, советуя ему заpastись «волчьими зубами и лисьим хвостом».

Если верить историку-специалисту, Малороссия выиграла от такой перемены. Не будучи человеком злым, экс-гетман был нерадив, и его подчиненные теснили страну. Характер его соответствовал уму, а последний не представлял ничего выдающегося. Однако, лишившись своего высокого официального положения, но еще более обогатившись в 1771 г. смертью брата, оставившего ему сто тысяч крестьян, он начал себя держать с высокомерной независимостью, не лишенной величия, и, занимая особое положение, на неприкосновенность которого и сама Екатерина, по-видимому, не посягала, некоторым образом стал особняком среди толпы, сгибавшейся в три погибели под повелительным взором монархини. Когда в 1776 г. Григорий Орлов, вопреки закону, женился на двоюродной сестре, девице Зиновьевой, Разумовский, как член Сената, отказался подписать постановление, по которому супруги разводились и заточались в монастырь. Это – заявил он – значило бы нарушить другой закон: закон, запрещавший бить лежащего. Однажды он подписал все же приговор, продиктованный самой Екатериной, и прибавил при этом: *«подписываю, как судили»*. Когда кто-то, желая сказать ему любезность, выразил удивление, почему начальство над действующей армией в войне с Турцией поручено не ему, несмотря на его чин фельдмаршала, а простым генералам, Румянцеву и Голицыну, он ответил: «Да потому, что надо разбить турок, а не быть битым ими».

Он желал, чтоб его ценили по заслугам, и вместе с тем выставлял на вид, что не забывает своего происхождения. Когда один киевский профессор поднес ему обширный труд, касавшийся генеалогии его семьи, он удивился: «Что можно было найти, чтобы так расписаться о нем и его семье?» Когда автор прочел место, где венская канцелярия, даруя его брату графское достоинство, связывала его по происхождению с родом Рожинских, Разумовский прервал его: «Да будет вам! Отец мой был простым солдатом, а матушка, святая женщина, дай ей Бог долго здравствовать – дочерью крестьянина; я граф и гетман Малороссии обеих сторон Днепра. Напишите это в вашей генеалогии – и будет». Он приводил в отчаяние сыновей этими постоянными напоминаниями о своем незнатном происхождении; а когда они начинали опровергать его, звонил своему камердинеру: «Ступай, принеси мне свитку, в которой я приехал в Петербург: хочу вспомнить хорошее время, когда пас волов, да покрикивал: цоп! поп!»

Но, не желая скрывать, откуда он вышел, он также не допускал, чтоб забывали, до чего дошел. Когда Потемкин однажды вздумал принять его в халате, он ответил ему такой же вежливостью, появившись на балу фаворита в таком же костюме. Впрочем, и у себя дома он любил выказывать перед гостями непринужденность туалета: ему случалось появляться на парадных обедах у себя в неизменном халате, только надев сверху андреевскую ленту. Но его обеды отличались царским гостеприимством, и присутствовать на них мог всякий, кто желал, согласно обычаю, сохранившемуся еще до последних лет во многих домах, где бывали и французы. У Разумовского на кухне ежедневно истребляли целого быка, десять баранов, сотню кур и прочего в соответствующем количестве. Главным его поваром был знаменитый Баридо, оставленный в России маркизом де ла Шетарди и считавшийся даже выше самого Дюваля, повара-француза Фридриха II. Помимо кулинарии и рецептов, Россия обязана маркизу введением в употребление шампанского, которого он привез 16 800 бутылок в числе своего дипломатического багажа. До тех пор на обедах русских вельмож пили за тостами венгерские вина. Слуг у Разумовского насчитывалось до трехсот: управляющий, дворецкий, главный камердинер, два карла, четверо парикмахеров, маркер при бильярде, ключник, пять кухонных мужиков, швейцар, десять выездных лакеев, два скорохода, казак, четыре лакея, два гайдука, три

счетовода, при них два писаря и четыре письмоводителя, два межевика и шесть помощников, десять истопников, три ключницы и т. д.

– Дядя, – стала было говорить ему однажды его племянница, графиня Апраксина, – мне кажется, у вас много совершенно лишнего народа, без которого вы бы могли хорошо обходиться.

– Пожалуй; да они-то не обошлись бы без меня.

Один русский вельможа, уже наш современник, которого упрекали, что он слишком легко проигрывает деньги своим обычным партнерам, ответил так же:

– Если б я чаще выигрывал, то мне не с кем бы стало играть.

Разумовский вел такой расточительный образ жизни до самой смерти. Он не забывал никогда привычек своей родины и во многих частностях сохранил их: простые и грубые малороссийские кушанья – борщ и гречневая каша всегда были его любимыми блюдами. При звуках казацкой *бандуры* ноги его сами начинали ходить. В подмосковном имении Покровском у него кормились всегда толпы малороссов, рылись пруды, главное, дававшие ему иллюзию далекой родины и доставлявшие случай вести длинные разговоры, в которых он вспоминал свой язык и годы детства. Он пережил Екатерину, но после ее смерти пожелал еще больше уйти в родную среду и переселился в свое батуриновское имение. Павел послал туда справиться о нем и досланный получил ответ: «Скажите его величеству, что я умер». Он умер через три года после того, семидесяти четырех лет.

VI

К совершенно иному типу принадлежали иностранные сотрудники, к которым Екатерине, как никак, все же приходилось прибегать. Иначе ей трудно было бы пополнять кадры своего дипломатического персонала, который в России всегда нуждался в этих вспомогательных силах. Екатерине удалось отделаться от Бестужева: состарившийся, изжившийся, растерявшийся ввиду нового положения вещей, этот *кондотьер*, в котором русского было только заимствованное окончание его фамилии,⁸ ни на что уже не годился. Екатерина была ему обязана и постаралась заплатить свой долг. Навстречу ему, когда он возвращался из ссылки, императрица послала самого Григория Орлова с придворными экипажами. Она омеблировала ему дом и «снабдила всем, не щадя издержек». Даже испугала Сольмса, посланника Фридриха, жаловавшегося на невероятную слабость императрицы «к этому старому вралю, который топил в вине жалкие остатки своего разума». Бестужев, как известно, всю свою жизнь был завязанным «австрийцем». Императрица даже воспользовалась его долгой опытностью. Вначале ни один шаг в политике как внутренней, так и внешней, не делался без старика; ежедневно записка, быстро набросанная самой Екатериной, призывала его во дворец: «Батюшка, Алексей Петрович, пожалуй, помогай советами!» «Батюшка» приезжал, давал свой совет, иногда даже настаивал на принятии его; но о восстановлении его официального положения и всемогущества, – как он сам того желал, а кругом него надеялись и боялись – не было и речи. Елизаветинский канцлер умер, и Екатерине ни на одну минуту не приходило в голову воскресить его. Не доверяя вполне самой себе, не решаясь безусловно положиться и на Панина, тоже новичка в роли первого министра, она была очень рада иметь между ним и собой этого старого пройдоху в широкой политике. Но он был не более, как руководителем, от которого она избавится при первом повороте, как только сочтет себя способной найти самостоятельно дорогу. Вот почему она и не давала ему определенной, постоянной должности, на которой его прошлое могло бы внушить ему слишком властные притязания. И как живо она от него отделалась, когда пришла подходящая минута! Как она мало стеснялась, прося его сохранить про себя советы, которых у

---

⁸ Его настоящая фамилия, унаследованная им от отца, шотландского офицера – была, как кажется, Бест или вроде этого.

него уже не просили! При этом он начал давать именно такие, которые шли в разрез со взглядами, к которым она наиболее была привержена. Он критиковал ее поведение относительно духовенства; вступался за Арсения Мацевича, непочтительного и непослушного архиерея. Не забыл ли он, что «прежде сего и безо всякой церемонии и формы по не столь еще важным делам головы секли?» Бестужев восставал против применения насильственных мер, клонившихся к возвращению Бирона в Курляндию. Наконец, в Польше он вступился за наследственные права саксонского дома против Понятовского. Это уже был последний удар! Тотчас же после этого, в декабре 1763 г., Мерси, австрийский посланник, мог сообщить князю Кауницу, что он уже не должен больше рассчитывать на влияние экс-канцлера. Оно безвозвратно потеряно. «Как бы он ни ухаживал за Орловым».

Бестужев умер в 1766 г. Карьера шотландца – карьера удивительная, в течение которой мы его видим сначала атташе при русском посольстве в Утрехте, потом камергером великой княгини Курляндской в Митаве и даже английским послом в Петербурге – собственно не принадлежала к царствованию Екатерины: последнее видело только ее закат. То же самое можно сказать о Минихе, этом другом иностранце, произведенном Петром I в маршалы, а Екатериной в строители каналов. Мы не станем рассказывать здесь, каким образом, будучи баварцем по происхождению, он поступил в гессенскую пехоту, сражался под начальством принца Евгения под Уденардом и Мальплакэ, был взят в плен французами при Денэне, перешел в ряды саксонско-польской армии в 1721 г., тридцати восьми лет от роду очутился в свите Петра Великого, стал главнокомандующим царской армии, и одержав во главе ее блистательные победы, двадцать лет спустя должен был взойти на плаху. Топор пощадил его; он был отправлен в вечную ссылку. Он познакомился с Сибирью, где ему выдавался 1 рубль в день на содержание, и где он должен был давать уроки математики, чтобы не умереть с голоду! Возвращенный Петром III, он пытался спасти для него престол. Екатерина не стала мстить ему, но также и не подумала возратить ему командование войсками. Она не желала верить этого поста немцу, притом восьмидесятилетнему старику. Она отправила его в Ревель, где и воспользовалась его инженерными познаниями. По-видимому, он удовлетворился этим и писал «своей благодетельнице» письма, поражающие вдохновением и богатством лъстивой фантазии:

«Вы знаете, Милостивейшая Монархиня, что я к Вашему великому имени прибавлю эпитеты:

Императрица-миротворица.

Царица знания.

Восстановительница народного процветания.

Спасение и услаждение народов.

Изумление вселенной.

А для меня, по преимуществу – моя звезда и утреннее светило.

Никогда я не просыпаюсь, чтобы сияние Вашего Величества не озаряло радостью мою душу».

Тут скобка:

«Не доверяйте никому, Ваше Величество, постройку Ладожского канала, никому, кроме меня».

Затем, снова начинаются дифирамбы:

«Никогда не видал я картины более восхитительной, как та, на которой я могу восторгаться героическими и божественными свойствами Вашего Величества:

Какое прилежание к делам государственным!

Какая проницательность!

Какая верность в суждениях!

Какая быстрота в преподании наставлений Сенату!

Какая кротость!

Какая ровность характера!
Какая величественная осанка!
Какая поразительная красота!
Какой блеск!
Какое внимание!
Какое снисхождение!
Какая приветливость!
Какой высокий, гениальный ум и сколько грации в манерах!»

В другом послании придворное красноречие старого корыстолюбца принимает более подходящий оттенок и впадает в тон романический:

«Дозвольте, богиня моей души, прославить, поскольку позволяет моя слабость, божественные качества Вашего Величества и принести на алтаре моего сердца жертву моего обожания и любви к Вашим божественным прелестям»...

Богиня не имела ничего против того, чтобы приносили жертвы «ее прелестям», но нашла, что приносящий их уже переступил черту подходящего возраста. Она пожаловалась Орлову «на пустомельство старика» и ответила:

«Господин маршал, мы чуть не шутя начинаем одно из величайших, давно задуманных дел, и ваши письма очень походили бы на любовные записочки, если б ваша близость к возрасту Патриархов не придавала им достоинства. Но вернемся к делу»...

Следуют три страницы технических подробностей, касающихся работ, запланированных для Ревельского порта. Увы! Через несколько месяцев, кроме этого, несколько сухого, призыва к порядку, у ревельского изгнанника нашлись и другие причины, чтобы отказаться от своих мадригалов. К концу года из-под его пера выходят строки уже совершенно в ином тоне:

«Какое время парадоксов переживаем мы! Я горячо желаю служить Вам, воскресить гений Петра Великого и его славу, обессмертить Ваше имя, уже божественное, а Вы сами... стараетесь связать меня по рукам и ногам. Вы отказываете мне во всякой поддержке и помощи. Вы предпочитаете мне Разумовских и Бутурлиных. Знаю я этих героев! Четырех слов достаточно, чтобы нарисовать их портреты с натуры. Я не завидую им ни в их величии, ни в возвышении, но никогда не перенесу, чтобы меня унижала из-за них»...

И жалобы, сетования, даже брань продолжают. Старый служака напоминает вдове Петра III, что он вернулся из ссылки с шестью рубашками и рваной шубой, и что до сих пор еще ждет исполнения обещаний, слышанных им от нее на другой день после восшествия на престол, когда она ему сказала: «Надеюсь, мы будем довольны друг другом». Истошив все доводы и потеряв терпение, он высказывает предположение, что ему придется вернуться к своей бродячей жизни; он выражает намерение отправиться на старости лет зарабатывать хлеб в Германию и просит выдать ему его бумаги. На это – долгое молчание со стороны Екатерины и затем, следующее письмо:

«Господин фельдмаршал! Откровенно говорю Вам, что Ваши последние письма вовсе не возбуждают во мне желания отвечать на них. Я приказала канцлеру отправить Вам Ваши бумаги, чтобы Вы могли переселиться в свои немецкие поместья. Я не намерена насильно удерживать кого бы то ни было. Я ненавижу всякое сутяжничество. Таким путем от меня ничего не получишь. Я никому не хочу зла. Я умею забыть вовремя и остаюсь с великим уважением и благодарностью за все приятные вещи, которыми Вы украшали Ваши письма.

Расположенная к Вам
Екатерина».

На этот раз хитрый, раздражительный старик успокоился. Упоминание о его немецких поместьях – остатках его прежних богатств – показывало ему, что Екатерину не обманешь притворными жалобами на бедность по возвращении из Сибири, а ее умалчивание о Бутурлине и Разумовском уясняли Миниху, что он должен относиться к правлению этой немки совершенно

иначе, чем представлял себе он и его приближенные. Он утешается писанием «Наброска, дающего понятие о форме правления в России». Напечатанная в Копенгагене в 1774 г. – спустя семь лет после его смерти – эта брошюра долгое время считалась классическим произведением.

VII

Однако из числа лиц, окружавших Екатерину, были люди обогнавшие русских, *униженно* перед которыми Миних так обижался. Так, иностранными делами заведовал Остерман, сын канцлера императрицы Анны, которого Кауниц называл «автоматом» и про которого Сегюр говорил: «Этот бедный вице-канцлер, не смыслящий ничего в делах». Но он искусно владел официальным, канцлерским языком, носил с достоинством напудренный парик, кафтан с брыжами и прочие принадлежности придворного наряда и не был не на своем месте в стеклянной карете, запряженной шестерней белых лошадей – одним словом, владел всем, на что Безбородко оказывался неспособным. Был у Екатерины Сальдерн – голштинец, занимавший в своем отечестве скромную должность кассира и покинувший ее, унеся с собой кассу. Рюльер говорит про него, что хотя он и соединял в себе грубость крестьянина с педантизмом профессора своего отечества, все же он оказался очень полезным в Польше, при приготовлении первого раздела. Фридрих и Сольмс видели в нем просто плута, посредника при заключении займов, представляющий собой не более чем мошенничество, и вора, кравшего табакерки.⁹ Однако они тоже не пренебрегали его услугами. Были еще у нее Кейзерлинг и Штакельберг, посланные, как и Сальдерн в Варшаву. Наконец, и главное, у нее был Сиверс, самый совершенный образчик этого рода людей.

Один историк посвятил четыре объемистых тома биографии этого государственного человека. Получился любопытный и восхитительный образец недобросовестности, с которой немец способен говорить о немецких делах и людях. Сиверсу Екатерина давала самые униженные поручения, исполнение которых не принял бы, может быть, на себя ни один русский. У своего историка этот императорский палач на берегах Вислы и Немана превратился в носителя всех добродетелей, частных и общественных, в героя, почти святого.

Без сомнения любопытную фигуру представлял этот германец, с очень легкой русской окраской, безупречный чиновник и придворный, не оставлявший желать ничего больше: деятельный, образованный, сентиментальный и жестокий, способный на гуманные поступки наряду с проявлениями дикости; соединяющий привычки уравновешенного мещанина с наклонностями разбойника. И он был тоже голштинец. Одному из его дядей, приехавшему в Россию искать счастья, посчастливилось сыграть роль в первой главе романа, превратившего Софью Ангальт-Цербтскую в наследницу Петра Великого: ему было поручено в 1742 году привезти Елизавете портрет будущей невесты Петра III. Племянник нашел, будучи семнадцати лет, покровителя в Петре Чернышеве, которого он сопровождал в Лондон и у которого начал свое дипломатическое обучение. Потом он служил в армии и принимал участие в победах при Гросс-Егерндорфе и Цорндорфе. Но эта карьера была не по нем. Екатерина открыла в нем в 1764 г. администраторские способности и назначила его новгородским губернатором. Эта губерния, имевшая 1700 верст длины и 800 ширины, представляла собой совершенную пустыню: ни полиции, ни почты, ни дорог; развалины дворца в главном городе и тюрьма с тысячей двумястами арестантов. Сиверс проявил тут большую деятельность. Через три года Екатерина, в одном из своих писем, советовала, чтобы он *не забыл жениться* среди своих беспрестанных переездов. Он в это время, действительно, сватался к одной из своих соотечественниц; но не переставал разъезжать. Он строил шоссейные дороги и привез императрице план памятника, который местное дворянство желало поставить «Великой Екатерине». Если

⁹ Записки «Русского Исторического Общества». Т. LXXII, 490—493.

верить его биографу, он приезжал очень часто в Петербург для советов с императрицей о проектах реформ, которыми увлекалась тогда Екатерина, – друг философов, Сиверс был главным вдохновителем большинства ее попыток на этом пути. Он сотрудничал в знаменитом «Наказе» Комиссии о сочинении проекта нового уложения и получил, *преклонив колени*, указ с еще невысохшей подписью, повелевавший губернаторам руководствоваться 9 статьей этого Наказа, провозглашавшей уничтожение пыток. Около этого же времени он принимал участие в устройстве ассигнационного банка, составившего впоследствии краеугольный камень финансовой системы Екатерины, и придумал употребить для первого выпуска ассигнаций запас старых скатертей и салфеток, найденных им на чердаках дворца. Наконец, в 1775 году Екатерина советовалась с ним, и только с ним одним, об организации губерний, составлявшей, по словам биографа Сиверса, важнейшее дело царствования. Дело это, без сомнения, было несовершенное, ошибочное в самом своем основании: не затрагивавшее огромной массы крепостных, здание было построено в воздухе и воздвигало над пустотой парадоксальную надстройку из привилегированных классов; но Сиверс сделался генерал-губернатором двух губерний – Новгородской и Тверской, слившихся при новой организации – сделался, так сказать, царьком.

Недолго ему пришлось пользоваться своей властью. В Петербурге было слишком много русских, смотревших с завистью и опасением на это немецкое царствование. Правда, у Сиверса существовал в столице усердный, бдительный и очень ловкий защитник: его жена – дамочка очень умная, подвижная, всегда все знавшая и энергичная. До нас дошло несколько ее писем; между ними, например, одно, дающее мастерски набросанную картинку, где находится рассказ о вечере, проведенном при дворе. Императрица играет в карты с Вяземским и Голицыным, двумя отъявленными врагами Сиверса; конечно, не без умысла она выбирает эту минуту, чтоб сказать несколько любезных слов жене генерал-губернатора. Отвечая на них как можно удачнее, приседая так низко, как только позволяет ей ее положение – вечная беременность – г-жа Сиверс видит, как сверкают хищные зубы Вяземского и пронзительные глаза Голицына: оба, кажется, готовы съесть ее. – «О! если б я могла держать их в эту минуту в своих руках, – пишет она на следующий день мужу, – можешь вообразить себе, что бы я сделала с ними». И Сиверс был вполне согласен с ней. Когда же два года спустя, великолепно отделавши свой генерал-губернаторский дом, он пригласил эту любимую и столь полезную супругу переехать к нему, то получил от нее решительный отказ: она встретила при этом враждебном дворе русского, взгляд которого вовсе не походил на взгляд Голицына, и, легко получив развод, переменила фамилию Сиверс на графиню Путятину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.